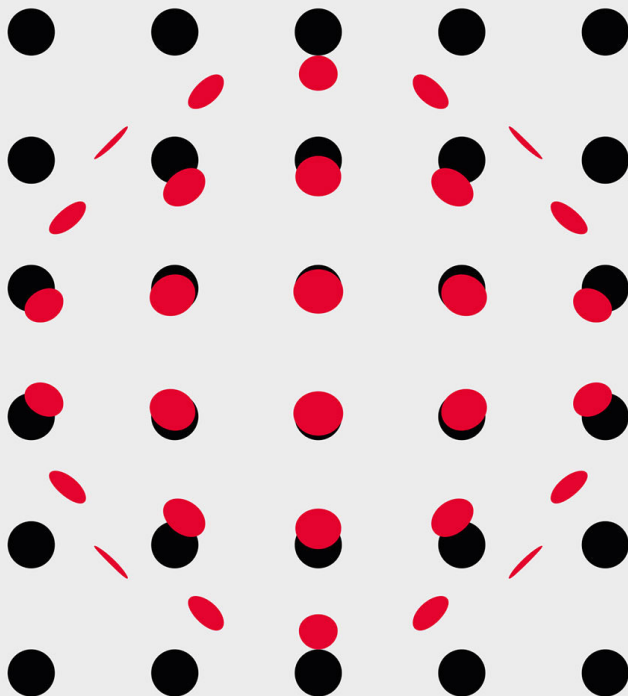

Григорий Нарек

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ В КРАСНОЙ ЗОНЕ

Заметки врача

10 РУБ. С ПРОДАЖИ КАЖДОЙ КНИГИ БУДУТ
НАПРАВЛЕНЫ НА ПОМОЩЬ ВРАЧАМ!

Григорий Нарек

Тридцать дней в красной зоне. Заметки врача

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63376501

Тридцать дней в красной зоне. Заметки врача / Григорий Нарек:

Олимп-Бизнес; Москва; 2020

ISBN 978-5-9693-0461-1

Аннотация

Пандемия COVID-19 застала врасплох весь мир. Мы попали в заложники к непонятному вирусу, не готовые к такому развитию событий. На передовой всеобщего хаоса оказались врачи, которые на ходу выработывали методы лечения и помогали дышать заболевшим. За героическим образом врача, однако, стоит обычный человек, думающий о семье, любящий пошутить и при этом испытывающий страхи и тревогу.

Григорий Нарек не инфекционист, он рентгенохирург одной из московских больниц, добровольно отправившийся работать в красную зону. На протяжении месяца Нарек писал заметки о том, что происходило за стенами ковидного госпиталя, по авторскому замыслу расположенного в Италии. В итоге получилось ироничное, честное и очень человеческое

свидетельство, позволяющее современникам и потомкам увидеть бытовую, а не новостную часть этого карантинного опыта.

Содержание

Предисловие	6
1. Начало	9
2. Акела	10
3. Цезарь	13
4. Андреа	16
5. Зубная фея	20
6. Сандро	22
7. Прелюдия	25
8. Средневековье	29
9. Началось	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Григорий Нарек

Тридцать дней в красной зоне. Заметки врача

Посвящается тем, кто согласился помогать

Всё написанное здесь – правда, изменены только имена действующих лиц. Начиная вести дневник – а делал я это в то же время, когда происходили описываемые события, так что вы читаете, в сущности, «бортовой журнал красной зоны», – я решил замаскировать коллег и друзей, родственников и знакомых, обозначив их псевдонимами и, кроме того, перенеся действие в Италию. Сейчас я понимаю, что мой замысел шит белыми нитками. Легко догадаться, что клиника, в которой работает автор, находится в Москве. Но я решил не перестраивать текст. Всё, о чем рассказано в моем дневнике, вполне могло происходить в Италии, да и в любой другой стране, где медики сражаются с новой пандемией.

Предисловие

Уважаемые читатели, для меня стало приятной неожиданностью, что мой коллега, близкий по духу человек, работая в экстремальных условиях пандемии – в красной зоне, – нашел силы и возможности делать заметки, которые легли в основу предлагаемой вашему вниманию книги. Она представляет большой интерес как для врачей, так и для пациентов, ковид-диссидентов и тех, кто испытывает ужас перед пандемией. Григорию Нареку удалось написать текст, одновременно очень правдивый и жизнеутверждающий. Редкий дар, когда о довольно страшных вещах удается писать с юмором, причем во всем видеть жизнь, которая продолжается, и, конечно, человека – с его проблемами, болью, горем, но также с радостями и верой в лучшее.

Крайне удачным мне показался прием автора – перенести место действия в Италию. Это помогло не «рассекречивать» коллег, ведь Григорий со свойственной ему наблюдательностью порой показывает не только их самоотдачу, но и забавные стороны. Итальянский колорит в книге позволяет немного отстраниться и не поддаваться тревожности. Спустя какое-то время после прочтения рукописи я понял, что данный прием на самом деле гораздо глубже: он позволяет увидеть вненациональный характер эпидемии, то, как болезнь делает всех равными. Новый вирус требует от нас сплочен-

ности, солидарности, не знающей границ и различий. Врачи из разных стран обмениваются опытом и информацией, стараются поддержать друг друга, стремясь к общей цели – победить болезнь.

Для меня и многих моих коллег особенно ценно, что Григорию удалось запечатлеть нашу жизнь в это сложное время: пандемия пройдет, оставив след на каждом из нас и преподав нам уроки. Мы все поняли, что паника никогда не будет спутником эффективности, и то, как слаженно работали врачи в красной зоне, – тому подтверждение. Чтобы действовать точно, нужно сохранять трезвую голову и в то же время заботиться о себе – для экстремальных медицинских ситуаций это стопроцентное правило.

Очень важно, что останутся живые свидетельства, которые помогут нам не только транслировать полученный опыт тем, кто по разным причинам оказался далек от него (во времени, в пространстве), но и осмыслить его самим. Из этой книги можно понять, что позволяло врачам держаться на плаву в суровые моменты; можно увидеть, что врач – обычный человек со своими привычками, манерами, характером. Не циник, но и не бесстрашный герой, а профессионал, стремящийся выполнять ту работу, которую он для себя избрал, и делать это хорошо.

Берегите себя и своих близких.

Вожак стаи – Акела;

Баграт Гегамович Алякян, академик Российской академии

наук

1. Начало

Самое плохое, как и самое хорошее, случается неожиданно. Поначалу страшным новостям из Китая никто не придавал большого значения. Китай далеко, а смерть – то, что случается с другими. Как сказала сенсей, обучавшая меня судебной медицине, «пока я дышу – я бессмертен». Когда же мы поняли, что и нам в ближайшие дни предстоит сражаться с невидимым врагом, то изрядно растерялись.

Сам я – рентгенхирург и во время учебы не имел возможности посещать лекции и занятия цикла по инфекционным болезням. Но, как показал опыт последних месяцев, преподаватели этого цикла знают о новом вирусе немногим больше моего. В том-то и беда: знаний о вирусе COVID-19 мало, а лечить его надо.

2. Акела

Мой шеф и учитель Бенедетто Аллини – очень сильный человек. Не только физически.

В тот день он вызвал нас с Сандро и спросил:

– Вы согласны работать?

– А есть выбор?

– Есть.

Выбором мы не воспользовались: дали согласие и двинулись к выходу.

– Подождите, – остановил нас шеф. – Спасибо вам, но знайте: я вас отдаю в другую стаю, а потом, когда всё кончится, жду обратно.

И мы стали морально готовиться к тому, что нас вызовут для создания красной зоны – изолированного отделения клиники, в котором содержатся больные, зараженные особо опасными инфекциями.

Между собой мы часто называем шефа Акелой, по имени вожака волчьей стаи из киплингвской «Книги джунглей». В отличие от большинства других боссов он не сидит в своем кабинете, указывая сотрудникам, куда идти и что делать, а всегда находится на передовой, подавая пример остальным. Настоящий вождь стаи, ответственный и благородный.

И вот сейчас Акела на время распустил свою стаю, оставшись в одиночестве. Он должен был добыть для врачей и ме-

дицинского персонала средства защиты. Все клиники Италии именно теперь старались закупить как можно больше средств защиты, и наша тоже. Входить в красную зону незащищенным – то же самое, что отправиться в горящее здание без противогаза и в одних плавках. Вход в зону и выход из нее подчинены строгим правилам. По территории клиники нужно проследовать до помещения, где все сотрудники снимают повседневную одежду и оставляют ее там вместе с вещами, что обычно носят с собой. Далее они переходят в так называемый шлюз, где надевают хирургический халат, маску, похожую на водолазный шлем, респиратор с высоким (99 %) уровнем фильтрации, две пары хирургических перчаток и защитный комбинезон, полностью ограждающий человека от внешнего мира. Вся эта процедура занимает полчаса. При выходе из зоны нужно снимать средства защиты в обратном порядке, постоянно обрабатывая руки антисептиком, после чего тщательно вымыться в душе.

Итоги дня:

Во-первых, наша широко известная клиника закрывается и перепрофилируется. Во-вторых, мы с Сандро только что дали согласие работать в красной зоне. В-третьих, мы никогда там не работали, не умеем работать и не видели, как работают другие, – мы ведь хирурги. В этом ирония ситуации.

И наконец: все парикмахерские в нашем городе уже закрыты, а моя «стрижка» уже давно за гранью приличия. Сейчас главный вопрос: где всё-таки привести себя в божеский

вид и купить бутылку кьянти?

3. Цезарь

Спустя пару дней нас пригласили на большое совещание у директора клиники, где были оглашены планы борьбы с эпидемией. Желающие могли высказаться, но сначала нам предстояло выслушать директора Анджело Ревини. Директора я считаю настоящим мужчиной, старшим товарищем, хирургом (именно в такой последовательности). Почему? Этот человек, известный на всю страну, мог бы шествовать по коридорам клиники величественно и отрешенно, подобно римскому императору. Но Анджело, встречая любого врача, даже недавно у нас работающего, всегда здоровается первым и протягивает руку. Двери его кабинета открыты для всех, кто нуждается в помощи или совете.

Помню, однажды вечером я отвел сына в школу единоборств и смотрел, как он тренируется на ринге. Позвонили из клиники, спросили, не могу ли я приехать. Сына нельзя было оставить – пришлось просить дежурного врача поискать кого-нибудь другого. Прошло двадцать минут, и на экране смартфона высветилось «Директор»:

– Добрый вечер, дорогой. Мне нужна твоя помощь.

Интересно, подумал я, что мешает ему просто велеть мне мчаться со всех ног в клинику?

– Чем могу быть полезен? – ответил я, одновременно отправляя жене СМС с просьбой приехать и заменить меня.

– У больного проблемы после операции, реаниматологи не исключают инфаркт. Посмотри, чем можно помочь. А помочь надо.

– Скоро буду.

– Извини, что пришлось потревожить.

Тут важно еще и то, что большинство директоров на месте Анджело уехали бы домой и там ждали результата. Какое же было мое удивление, когда я увидел его в клинике! До конца совместной операции, завершившейся около полуночи, он находился там с хирургами, медсестрами и молодыми ординаторами. Просто за компанию.

Еще один случай: я оперировал добрую знакомую Анджело, и в конечной фазе операции у нее возникли проблемы. В тот момент я подумал, что моей карьере конец. Но Анджело, остававшийся рядом со мной до часа ночи, просто ждал, пока ситуация выправится. Потом пожал мне руку и сказал, чтобы я отправлялся спать.

Надеюсь, понятно, почему я начал с того, что Анджело – настоящий мужчина и старший товарищ. О том, что он прекрасный хирург, и говорить излишне.

Вернемся к собранию. Директор начал так:

– Дорогие коллеги, для меня самое важное – безопасность сотрудников. Никто не бросит вас в бой без адекватной защиты. *(Как потом оказалось, он сдержал слово.)* Но не менее важно наше участие в общей миссии. Когда начинается война, все молятся на воинов. Сейчас началась война про-

тив невидимого врага, который сжигает людей изнутри. И все молятся на врачей. Нужна ваша помощь. Есть вопросы?

Все молчали.

Директор привел зловещие сведения о заболевших и умерших – у нас в стране, у соседей, в мире. И продолжил:

– Если кто-то захочет уйти – я не осужу. Это ваше право. И позже, когда эпидемия кончится, осуждать не буду. Но если можете, помогите.

Воцарилась глубокая тишина.

– С одной оговоркой: те, кто в одиночку воспитывает детей, те, кто старше 65 лет, и те, кто имеет хронические заболевания, в этой войне участвовать не будут.

В голосе директора слышались и грусть, и некоторая боязнь за коллег, и решимость защищать свой «Рим». В эту минуту мы чувствовали, что в каком-то – очень важном – отношении он всё-таки Цезарь. И нужно идти за ним.

В дальнейшем мы провели целую серию таких же, иногда очень долгих, совещаний, собраний с участием всех специалистов клиники. Подготовить клинику к приему людей, больных новоявленной чумой, было очень непросто.

4. Андреа

Андреа Чубелли – один из самых искусных и опытных сосудистых хирургов нашей клиники. Мы с ним тесно контактировали профессионально, совместно оперировали многих сосудистых больных. Иногда встречались на конференциях, где читали доклады и лекции. Два раза в неделю проводили консилиум, решая, как лечить новых больных, поступивших в клинику. Эту форму сотрудничества мы называли «сердечная команда». Обсуждение лечения больных специалистами разного профиля становится в последнее время модным методом. Но других «общих интересов» у нас не было... Не было раньше. Теперь, когда клинику решили перепрофилировать, врачей распределили по-новому. И мы с Сандро оказались под началом Андреа.

Большинство хирургов из его отделения по разным причинам не могли нам помочь. У кого-то обнаружились хронические заболевания – работа в красной зоне для таких людей равносильна игре в русскую рулетку, но с револьвером, в котором оставлен не один патрон, а почти полный барабан. Кто-то остался дома на самоизоляции. Андреа предстояло за несколько дней познакомиться с новыми сотрудниками, новыми условиями работы и одновременно переоборудовать свое отделение в стационар, где лечат особо опасную инфекцию.

– Что сказать? – обратился он к нам на первом, организационном совещании. – Теперь мы – одна команда. Будем вместе работать, есть, спать. (*Некоторые шуточно переглянулись.*) Я сам еще толком не пойму, что делать. Тридцать лет проработал в сосудистой хирургии, а вот теперь буду вместе с вами заниматься инфекционными болезнями. Не знаю даже – смеяться или плакать.

– Ничего страшного. Раньше я работал в хирургии, в онкологии, в аритмологии, – что ж, придется инфекционными болезнями заниматься, – отозвался Никола Ламберти. Никола – один из ведущих аритмологов нашей клиники, опытный врач. Энергичный, эмоциональный, с прекрасным чувством юмора, – словом, настоящий южанин.

– И у меня опыт пестрый, – сказал я. – Работал несколько лет на скорой помощи, потом – судебно-медицинским экспертом в морге, потом освоил мою теперешнюю специальность рентгенхирурга. Пришло время пополнить коллекцию.

Все засмеялись. И я тоже. Плакал я раньше, когда изучал эти специальности, поначалу переживая не столько взлеты, сколько падения. А в тот момент, на пороге красной зоны, вместив в одно предложение всю мою жизнь, я мог только смеяться. Было, правда, непонятно, почему смеются молодые коллеги... Видимо, у всех хорошее настроение. Пока...

Мы долго обсуждали нюансы облачения в форму и снятия ее, особенности защитных средств и респираторов. Меня удивляло, с каким вниманием Андреа слушал каждого.

Обычно опытные врачи не склонны прислушиваться к тем, кто недавно окончил институт. А он не пропускал ни слова из того, что говорили молодые доктора и медсестры, которые задавали вопрос за вопросом и вносили предложения. После этого мы настроили рации для связи. Потом прошлись по отделению, то есть собственно по будущей красной зоне. Один из наших докторов (тогда я еще не знал его имени) надел всю амуницию целиком и ходил с нами – так сказать, тренировался. Мы обсудили, уже почти без улыбок, где будут находиться шахматы (моя идея), где будем пить кофе, смотреть фильмы (тогда казалось, что хватит времени и сил на развлечения). Всё это продолжалось около сорока минут, после чего мы снова собрались в ординаторской, и Андреа стал рассказывать о клинике и оснащении в целом. Говоря о числе коек, которыми мы располагаем, он деликатно заметил:

– Там, за углом и этажом выше, оставлены три койки, их мы занимать не будем...

Было ясно: эти койки для кого-то из нас. Все мы – по крайней мере я, Сандро, Никола, Валентино и еще один Никола (северянин по фамилии Малатеста) – понимали, что, несмотря на первоклассную систему защиты, всё-таки добытую директором и шефом, какая-то, и вполне значимая, часть двухсот пятидесяти медиков, начинающих работать в красной зоне, скорее всего заразится. Причем, судя по мировой статистике, самое меньшее пятнадцать из двухсот пяти-

десяти попадут на искусственную вентиляцию легких... Ну, посмотрим, что будет дальше. Пока я и сам не знаю.

Надо отдать Андреа должное: за пару дней он сделал всё, чтобы объединить сотрудников клиники, ранее не работавших друг с другом, в одну команду. Теперь мы называемся инфекционное отделение № 33. Даже групповую фотографию сделали.

И еще: когда наш коллега снял защитную форму, его лицо нас поразило – красное, потное, с глубокой четкой линией, пропечатанной очками и респиратором. Кошмарное зрелище. Если сорок минут оставили такой след, то что же будет после суток работы по схеме: «четыре часа в зоне, четыре часа отдыха – и так далее» (позже мы перешли на схему 6 + 6)? Неизгладимые рубцы?! Все поспешили отогнать эту мысль. Во всяком случае я. Может быть, я впечатлительнее других.

5. Зубная фея

За месяц до описанных событий со мной случилось следующее. Как у большинства людей, у меня есть четыре зуба мудрости. Три из них ничем не замечательны. Но четвертый, на нижней челюсти, почему-то устроился горизонтально, корнями вверх. Можно сказать, мудрость моя расположилась вверх тормашками. Надо было удалить зуб, пока он не превратился в небольшой заводик, производящий гной. Я оттягивал этот сладостный миг целых шестнадцать лет. И вдруг, ни с того ни с сего, решился. Записался на прием к моей близкой по духу Марии Чиньо, зубной фее всей нашей семьи. Но сама Мария – не хирург. Она направила меня к хорошему (в чем я смог убедиться скоро) специалисту, который согласился меня оперировать.

Два с лишним часа длились мучения. Не мои, вовсе нет. Современные анестетики избавляют пациента от болевых ощущений (пока хирург избавляет его от половины челюсти). Мучились моя зубная фея, врач и их доблестная ассистентка. Но всё сделали, и мастерски. Эта оценка опиралась на два критерия: я жив, и челюсть на месте. Затем Мария сама отвезла меня домой, не позволив взять такси.

Через две недели мне сняли швы, и я снова стал человеком – мог есть, жуя на обеих сторонах рта. И начал это делать поистине безудержно. За всё приходится платить: по-

лость, оставшаяся после удаления зуба, инфицировалась, у меня заболели – и еще как! – висок, скуловая кость и нижняя челюсть (характерные особенности иннервации лица и тройничного нерва). И я опять оказался в кресле стоматолога.

– Нагноилось, – констатировала зубная фея. – Ты ел? С аппетитом, скажи честно?

(С друзьями можно выходить далеко за пределы врачебной этики.)

– Да, – ответил я смущенно.

Место нагноения промыли, положили туда лекарства, и меня отпустили домой. Перед уходом я спросил:

– Мария, я могу работать в красной зоне?

– Ты с ума сошел?..

И вот теперь я думаю: с одной стороны, я получил осложнения после операции на челюсти. Казалось бы, ничего хорошего. С другой стороны, можно быть не в числе тех, кто прямо сейчас начнет работать в красной зоне. Трусость? Не думаю. Я ведь дал согласие одним из первых. Конечно, всегда легче идти по проторенной дорожке... Так или иначе, всё, что ни случается, к лучшему. Меня записали в резерв клиники и велели ждать звонка.

Красная зона открывается завтра. Сандро и Никола-южанин идут работать первыми. Удачи, друзья.

Где купить еще бутылку кьянти? Та, первая, мне не очень понравилась.

6. Сандро

Сандро Новато – мой хороший друг. Как он сам говорит, мой первый ученик. Мне приятно, когда он так говорит. Надеюсь, и ему приятно, когда так говорю я.

Его портрет? Сандро веселый, шумный, любит шутить. И, как его называю я, одержимый. Он вполне мог бы придумать сотню причин, чтобы уклониться от работы в красной зоне. Но он именно одержимый. Одним из первых заявил, что будет работать. И завтра одним из первых войдет в красную зону. С ним будут младший врач, две медсестры, защитный костюм и «Отче наш».

Расскажу о Сандро чуть подробнее. Я познакомился с ним, когда сам окончил ординатуру и начал работать в одной из наиболее крупных столичных сердечно-сосудистых клиник. Мы быстро нашли общий язык, так как нас обоих можно смело назвать одержимыми работой. Потом он покинул альма-матер и ушел работать в другую хорошую клинику. Через три года мы снова встретились в одном из отделений клиники, где развернулись описываемые события.

На примере Сандро я понял, что понятие кармы действительно существует. Он хороший специалист, любит работать и готов это делать с раннего утра до поздней ночи. Но постоянно связан какой-то невидимой нитью с трудноразрешимыми проблемами. Не в том смысле, что он их создает,

нет, – а в том, что какая-то непостижимая сила приносит его именно туда, где такие проблемы возникают у других. Так, он часто оказывается именно в той операционной, где происходит остановка сердца, требующая реанимационных мероприятий и разряда дефибриллятора. Причем в подавляющем большинстве случаев выясняется, что Сандро просто шел мимо. Или, скажем, в начале пятого мы кончаем работать и уезжаем по домам, а в начале одиннадцатого он мне звонит и спрашивает, каким было состояние такого-то больного утром, – и по самому вопросу я понимаю, что пациенту сейчас плохо и спрашивающий находится рядом с ним. И это может быть даже не его больной. Он – настоящий одержимый.

А еще Сандро – знаток истории и вооружений. Но тут не стану вдаваться в детали: у каждого свои интересы.

Но что нас объединяет – так это веселый природный нрав и, закономерно, любовь к анекдотам. Мы сами похожи на героев известного анекдота, в котором обитатели тюремной камеры раздражаются смехом, когда кто-то из них называет номер из знакомого всем набора: «двадцать пятый», «сорок третий» и т. п., а новичок, только что помещенный в ту же камеру, объявляет: «семьдесят третий» – и, удивившись, что никто не засмеялся, спрашивает, есть ли такой номер в наборе, на что сосед отвечает: «есть, но анекдот надо рассказывать красиво и с выражением». Так и нам с Сандро достаточно «произносить цифры, но с выражением», – в этой об-

ласти мы понимаем друг друга с полуслова.

Кстати, наши любимые анекдоты – № 1 и № 13.

7. Прелюдия

Как я уже сказал, война началась без меня. На дежурство в этот день заступили Никола Малатеста (он же Никола-северянин) и Сандро.

В другом конце нашего города находится очень крупная инфекционная больница на 1300 коек. По рассказам знакомых коллег, после открытия она заполнилась за два дня. Наша клиника в условиях инфекции была перепрофилирована с резервированием фонда в 170 коек. Вопрос: сколько времени понадобится, чтобы ее заполнить? Несколько часов? Оказалось, не так быстро.

Будильник поднял меня рано. Жду сообщений в нашем коллективном чате. Их нет. Скоро полдень: такая же тишина. Писать самому? Я дома сижу, а коллеги там. Не хочется вести себя некорректно. В голове одна мысль: кто-то из нас заболел. А некоторые даже... Всё может случиться.

В пять часов вечера не выдержал Никола Ламберти: «Коллеги, есть новости из красной зоны?»

Последовал ответ, что в наше отделение положили одного пациента. Не тяжелого. Просто с положительным результатом тестирования на вирус.

Через час в чате появилось сообщение Андреа Галлисто – отличного специалиста, трудоголика, весельчака (тоже истинного южанина), крайне обаятельного человека:

«Это молодая пациентка 45 лет. Состояние средней тяжести. По легким всё не так плохо. Занимаемся». Еще он написал, что следующая смена должна прийти утром в 7:45, так как сдающим смену для выхода из шлюза зоны требуется много времени.

Очень хорошо, что директор и его помощники организовали для проживания сотрудников и молодых специалистов, стажировавшихся в клинике, номера в отеле, и не самом плохом. Те, кто не мог обеспечить для себя изоляцию после выхода из зоны, получили возможность жить в изолированной части отеля, не вступая в контакт ни с другими проживающими, ни с семьей. Может быть, затратный и не самый расчетливый, но безусловно гуманный, разумный шаг, повысивший безопасность и врачей, и окружающих. Хорошо, когда у руля клиники стоят профессиональные медики, а не бизнесмены.

Утром следующего дня я узнал из нашего чата, что за сутки в отделение были госпитализированы восемь человек – все с положительным результатом тестирования и в состоянии средней тяжести. Но это не шло в сравнение с проблемами, о которых рассказывали другие клиники. Мы в это время обсуждали не столько поток больных, сколько работу в средствах защиты. Нас предупреждали, что это крайне дискомфортно, что порой приходится «доделывать» существующие средства с помощью лейкопластыря и бинтов (добавляя по вкусу немного мата).

Мое утреннее общение с Николой и Сандро оказалось довольно забавным.

– Как дела, коллеги? Как красная зона? Поглотила полностью или частично? Как маски?

Три часа никто не откликнулся. Первым на связь вышел Сандро:

– Ощущение, что мне на лицо села сама госпожа удача, у которой есть еще и сифилис.

В переводе: «Медицинский респиратор и защитные очки очень сильно давят на лицо, особенно в области носа и губ, что приводит к значительным потерностям и раздражению кожных покровов».

Никола тоже мой ученик, и в него я, что называется, вложил всю душу, научил почти всему, что умею сам. Он всегда настроен оптимистично и никогда не жалуется. Вот и сейчас:

– Жарковато, но жить можно. Я всё равно не смогу описать свои ощущения так же ярко, как Сандро.

После этого в чате снова наступила тишина. Все легли спать.

Мне хотелось узнать о впечатлениях других коллег и друзей, особенно реаниматологов, которым всегда выпадает наиболее тяжелая работа. Решил написать Андреа.

– Привет, дорогой. Сколько в реанимацию поступило?

– Четверо, в том числе один врач. Заразился на работе. Двусторонняя пневмония, тяжелая. Неделю болел, думал – всё лучше становится, и вот на тебе. Типичный врачебный

сценарий.

– Что будете делать?

– Пока просто дышит кислородом, без искусственной вентиляции легких. Ну и терапия обычная. Дай бог, вытащим.

Забегая вперед, скажу, что того врача наши реаниматологи выходят и через день отправят в отделение на долечивание. Этот случай оказался удачным.

8. Средневековье

Я сижу в загородном доме с семьей. Почти досмотрел «Игру престолов». Хороший фильм, ничего не скажешь. Условное средневековье. И вот, глядя, как герои рубятся мечами и топорами, невольно начал размышлять. Как долго тогда жил обычный человек? Лет сорок – пятьдесят? Его жизнь могли внезапно оборвать грабители или солдаты, вульгарный аппендицит или другая (по нашим меркам, нехитрая) хворь, а главное – практически *любая инфекция*. Ситуация почти не менялась до появления антибиотиков, которые были открыты – с исторической точки зрения – буквально «вчера».

В Праге есть памятник в честь победы над чумой. И в Вене, по-моему, тоже. Победы?! Еще недавно мне казалось очевидным, что я родился в самые прекрасные времена в истории человечества. Чумы нет. Нацизм побежден. Люди больше не умирают от кровоточащих, рваных и гниющих ран. Как выяснилось, по-настоящему изменились только средства массовой информации. А угроз меньше не стало.

Сегодня третий день существования красной зоны в нашей клинике. Весь мир борется с пандемией. Вот уж не думал, что это слово когда-нибудь вновь станет актуальным. Я поговорил с Марио Седжио – это наш аспирант, подающий очень большие надежды; во всяком случае, Акела, который поклоняется только одному богу – работе, уже занес его но-

мер в свой телефон. Вместо ответа на вопрос «как дела?» Марио, сдавший смену сегодня утром, просто прислал свою фотографию. И я увидел, что крупный нос Марио напоминает мясной фарш. Красный, раздраженный, опухший, исцарапанный. Дело в том, что респиратор должен быть плотно, герметично прижат к лицу, чтобы не осталось ни одной бреши, через которую зараженный воздух может, минуя фильтр респиратора, проникнуть в дыхательные пути. Очки, которые надевают сверху, тоже должны быть прижаты плотно к лицу. И в таких доспехах нужно провести четыре часа. Анджело и его команда с самого начала, хотя им это стоило изрядной нервотрепки, установили норматив, безопасный для врачей. Насколько я знаю, в других клиниках врачи вынуждены работать в красной зоне намного дольше и даже в гораздо более слабых средствах защиты. Но у нас – как и должно быть в хороших клиниках – работают по схеме, которую я изложил выше: четыре часа работы, четыре часа отдыха, и так сутки.

Признаю: наиболее художественно описал состояние своего лица Сандро. Посмотрим, смогу ли так же шутить я, когда придет мой черед. Пока я жду, когда заживет зуб. Да, нос у меня не маленький. Увы...

9. Началось

Работа уже на полном ходу, а я всё еще лечусь. Дома, в приятном обществе любимой жены и троих детей. И чат нашего отделения № 33 проснулся сегодня утром раньше меня.

Пишет Никола-южанин:

– Доброе утро, коллеги. Что слышно на передовой?

Андреа:

– В отделении уже 18 пациентов, все стабильные, слава богу.

Сандро:

– Как состояние по кислороду?

Андреа:

– Пока всем хватает.

Андреа, как руководитель отделения – в отличие от остальных врачей, которые после суточной смены могли ехать домой или в гостиницу, – должен был находиться на службе каждый день, по 12 часов, обеспечивая материалами и лекарствами всех, кто работает в красной зоне.

Прошло еще несколько минут, и в чате появился другой коллега, с которым я еще не был близко знаком:

– В отделении уже 22 пациента.

Откликнулся аритмолог Валентино Васкони:

– Вижу, вы поймали кураж?

Из красной зоны ответили:

– Бригады скорой помощи поймали, ага.

Лучше сказать, что вирус поймал кураж...

(Существенная деталь: в красной зоне нельзя иметь при себе никаких личных вещей – ни мобильных, ни украшений, ни даже нательного белья. Точнее, из красной зоны ничего нельзя выносить – только то, с чем ты пришел на этот свет. Так что во время дежурства реплики в чате поступали лишь от тех коллег, которые вышли из зоны на положенный четырехчасовой отдых. Попутно замечу, что руководство клиники позаботилось и о нашем нормальном питании. Об этом чуть позже.)

К середине третьего дня клиника приняла лишь сто пациентов. Приятный сюрприз. Неужели вирус начал слабеть? Надо поговорить с реаниматологами, у них всегда жарче. И к концу недели выйти на работу – что бы там ни было с моим зубом.

Так я думал примерно до семи часов вечера. А после семи понял, что это было затишье перед бурей. В наш чат посыпались сообщения от Николы; потом подал голос Сандро, причем эффект был такой, как если бы он стоял за спиной Николы и ударил в большие медные музыкальные тарелки. Судите сами.

Никола:

– Сегодня, конечно, похуже. Настоящая жара пошла.

Я:

– Тяжелые?

– Да, в первую мою смену вроде ничего были, поражения легочной ткани максимум 10 %. Сегодня КТ показывает 50-процентное поражение.

– А как вы их лечите? По рекомендациям ВОЗ и нашего министерства?

(Трудно было задать более глупый вопрос. Но добрый Никола меня пощадил; не уверен, что я бы поступил так же.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.